

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 18
(2379)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлены статьи С. Полетаева, опубликованные на сайте «Россия в глобальной политике»:

1. «Об искусстве специальной военной операции», 8.11.2023 г.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ob-iskusstve-svo/>.
2. «О хитром плане», 19.12.2023 г.
URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-hitrom-plane/>.

Вологда
февраль 2024

Об искусстве специальной военной операции

К исходу второй военной осени Россия продолжает действовать осторожно, если не сказать пассивно, а сводки с фронта давно стали однообразным тягучим фоном. Причин тому несколько: и стремление переждать, пока Украина истощится, а западная поддержка ослабнет, и не достигшая пока нужного эффекта работа над собственным армейским строительством и набором необходимого опыта, и в целом нежелание раздуть СВО за рамки ограниченного конфликта, позволяющего сохранять в стране полноценную мирную жизнь и, что важнее, полноценную экономику.

Попробуем разобраться в приоритетах российского руководства, посмотрим, что происходит у противника, что меняется на фронте и как события этого года могут повлиять на будущее конфликта.

Во-первых – разрушить замыслы врага

На первый взгляд, итоги летне-осенней кампании для нашей армии неважные: мы не шли вперёд, мы сидели в окопах за минными полями, мы даже пятились назад – вроде бы хвастаться нечем. Однако это скромное с формальной точки зрения достижение – возможно, крупнейшая победа русского оружия после Маньчжурской наступательной операции 1945 года.

Год назад мы переживали шок от разгрома под Харьковом, от ухода из Херсона и атак на Крымский мост. Удар следовал за ударом, и некоторые наиболее экзальтированные отечественные комментаторы объявляли конфликт с Украиной проигранным, подсчитывали недели и месяцы до сдачи Мариуполя и Крыма.

Противоположные настроения были у противника: на Западе и на Украине царила эйфория, казалось, достаточно ещё одного решительного удара – и русская армия посыплется окончательно, а вслед за ней падёт и антизападный «путинский режим». Идеологическая накачка прошлой зимой и в начале весны была такова, что в ней тонули отдельные голоса скептиков, даже если скептиками этими были высокопоставленные американские военные вроде генерала Милли.

К азовскому *контрнаступу* готовились как к празднику, это была ставка ва-банк, но не отчаянная, а наоборот – на волне всеобщего воодушевления. Казалось, всё складывается как нельзя лучше: военная, технологическая и экономическая мощь Запада и рвущаяся в бой против общего врага Украина просто не могут проиграть – они ведь на правильной стороне истории.

Тем глубже оказалось потрясение, когда *контрнаступ* пошёл не по плану. В моменте это было не очевидно, но сейчас, спустя пять месяцев, уже понятно: на минных полях под Работино горели не западные танки – там горел фундаментальный замысел по военному разгрому России руками украинской армии, горела идея, к которой Украина и Запад шли все постсоветские годы.

Теперь на Западе всё более общим становится понимание, что в обозримой перспективе это невозможно: у Украины нет достаточных людских ресурсов, украинская армия не способна вести операции нужного масштаба, а Запад здесь и сейчас не может дать достаточно оружия и денег и не готов воевать сам. Либо нужно всё начинать сначала (а это годы), либо отказываться от замысла.

Похоже, происходит перелом в конфликте, который начался для нас весьма неудачно. И тот факт, что перелом этот достигнут в обороне, ничуть не умаляет его значения – наоборот.

Во-вторых – расстроить союзы врага

Лишившись цели, зашатался и военный союз Запада и Украины. По сути, Запад – это украинский тыл: как не раз подчёркивали представители и киевского, и западного высшего руководства, без поддержки посыплется не только фронт, но и украинское государство в целом. Ещё в прошлом мае, до всех драматических событий под Харьковом и Херсоном, мы задавались вопросом – будет ли готов

Запад содержать Украину и украинскими руками воевать с нами в отсутствие внятных перспектив победы?

Ответ: как минимум не горит радостью, западные лидеры стремятся траты своих стран свести к минимуму или свалить на соседа. Содержание Украины в военном, экономическом и гуманитарном плане обходится в 250–350 млн долларов в день; эти средства обеспечивают нынешний, убийственный для Украины формат войны на истощение, но не дают достаточного для победы превосходства. Теперь и такой уровень снабжения под вопросом: жизнь продолжается, всё больше факторов отвлекают от Украины – конфликт на Ближнем Востоке, предвыборная кампания в США, в которой финансирование Украины имеет шансы стать главным камнем преткновения, продолжающийся экономический кризис в Европе. Голоса о необходимости переговоров с Москвой звучат на Западе всё громче.

Об этой не всегда очевидной динамике можно судить по отношению к Зеленскому лично: год назад его носили на руках, объявляли персоной года, устраивали овации в парламентах. Затем западный мир затаил дыхание в ожидании *контрнаступа*, после его провала, уже в июле, пришло отчуждение, к осени сменившееся раздражением и кое-где даже откровенной враждебностью.

Вряд ли Украину совсем снимут с довольствия – это слишком хорошо, чтобы быть правдой, – но можно с большой степенью уверенности утверждать: на обозримую перспективу ник вовлечённости Запада в украинский конфликт пройден.

Теперь не идёт даже речи о массовых поставках, сопоставимых с началом 2023 г., когда готовился *контрнаступ* – а тех поставок, как видим, оказалось недостаточно. Обещанные истребители и дальнобойные ракеты не помогут: первые, по сути, замещают выбиваемые советские самолёты и ПВО, а вторые, хоть и способны добавить нам головной боли в атаках глубокого тыла на новых территориях и в Крыму, не усиливают наступательные возможности украинской армии.

Таким образом, к концу второго года конфликта Украина подходит с чахнувшей западной поддержкой, деградирующей от российских ударов по инфраструктуре, с экономикой, дышащей при помощи дающего сбои аппарата ИВЛ (речь о западном финансировании), со слабеющей и стареющей армией, продолжающей терять наиболее мотивированных бойцов, – и всё это против решительно настроенного противника, у которого впятеро больше мобилизационный потенциал, набирает обороты военная промышленность, а армия усиливается по мере преодоления собственных проблем.

В-третьих – разгромить армии врага

Разрушив замыслы и пошатнув союзы, мы открыли окно возможностей – вопрос, как и когда наша армия этим окном воспользуется.

Общим местом стало мнение о позиционном тупике на фронте, сравнимом по своей безнадёжности с Ирано-иракской, а то и с Первой мировой войной. Как правило, причиной тупика называют революцию дронов: массовое распространение разведывательных и ударных беспилотников нижнего тактического звена, дающих круглосуточный контроль за передним краем противника и за коммуникациями в ближнем тылу. Проще говоря, почти у каждого бойца теперь есть глаза над полем боя и в считанные минуты готовый к применению высокоточный снаряд. Ещё называют недостаток численного состава: в условиях протяжённого фронта и примерно равного числа людей с обеих сторон сложно создать необходимый численный перевес на том или ином участке.

Это правда, но не вся. Представляется, что третья причина застоя на фронте – неготовность как нашей армии, так и противника эффективно действовать в составе соединений.

Читая сводки, общаясь с бойцами и командирами, можно заметить: типичная атака что у нас, что у ВСУ – это взвод или рота. Даже батальонные атаки встречаются редко, а о единых действиях бригад или корпусов с тех пор, как прошлой весной сложился более-менее плотный фронт, не слышно почти совсем. Аналогично работает артиллерия: батарейные залпы редки; как правило, самоходные орудия

работают поодиночке или в паре. Поодиночке, парами летают ударные беспилотники и фронтовая авиация. Таким образом, крупные массы войск на фронте остаются разрозненными, не конвертируются в массу удара, атаки же в составе взвода или роты парируются малыми дронами, артиллерией и минными полями, которые были бы бессильны против соединения, действующего как единое целое.

Это напоминает сражения в античную или средневековую эпоху, когда поле битвы двух армий распадалось на множество поединков; в нашем случае вместо отдельных воинов с копьями и мечами – отдельные взводы и роты, усиленные отдельными пушками, отдельными тяжёлыми беспилотниками и вертолётами.

Подчеркнём, это не только наша проблема, вероятно, она в той или иной степени свойственна большинству армий мира. Причина – в том, как в последние десятилетия трактовались их задачи: борьба с нерегулярным противником, с инсургентами, контроль территорий, контртеррор, ограниченные операции по принуждению к миру, что угодно, но только не сухопутные боевые действия на фронте протяжённостью 1000 км.

Для всех этих «малых» задач отлично подходят гибко формируемые батальонно-тактические группы, действиями которых напрямую управляют штабы высшего уровня. На этот путь Советская армия встала как минимум со времён Афганистана, а то и раньше – с переходом к системе кадрированных частей, офицерская служба в которых была своеобразной синекурой, не требующей поддержания навыков управления боем и штабной работы.

Десятилетия естественной деградации привели к тому, что ни у нас, ни у противника, ни (подозреваем) нигде в мире нет достаточного количества генералов, способных эффективно командовать в бою бригадами, корпусами и армиями – тем более, нет достаточного количества офицеров, способных эффективно работать в штабах соответствующего уровня. Результат – сухопутные вооружённые силы, состоящие из бескрайней россыпи подразделений, не способных собираться в более крупные соединения; принадлежность этих подразделений к бригадам и корпусам, можно сказать, номинальна.

Быстро эту проблему не решить: дело не только в том, что грамотные, талантливые и опытные полководцы не растут на деревьях (а в военных академиях, похоже, имеются аналогичные проблемы с преподавательским составом), дело в том, что, по всей видимости, полностью или частично оказался утерян соответствующий пласт культуры. Новейшие же средства ведения боевых действий (связь, разведка, высокоточное оружие и дроны) в значительной мере обесценивают старый, шестидесяти-семидесятилетней давности опыт. Приходится начинать с нуля.

Хорошая новость в том, что мы учимся. Судя по всему, наше высшее военное руководство понимает проблему и не гонит солдат на убой, а локальные наступательные операции, например под Авдеевкой, использует для набора опыта как бойцами, так и командирами, штабными работниками, тыловыми и инженерными службами. Военные аналитики противника с растущим раздражением отмечают, насколько гибко армия России реагирует на ход боя, не давит любой ценой; в случае неудачи – отступает и меняет тактику. Растёт уровень координации: в начале ноября замечены наши атаки уже полноценными батальонами, постепенный рост качества командования отмечают и собеседники автора на фронте.

Вторая хорошая новость: как мы разобрали выше, время, похоже, работает на нас. Наша армия имеет возможность оставаться в стратегической обороне, наращивая военную промышленность и набираясь опыта. Рано или поздно при должной настойчивости все эти процессы дадут нужный эффект, количество перейдёт в качество, и у нас появится долгожданный инструмент для разгрома слабого противника.

В-четвёртых – избегать осады крепостей

Как мы не раз отмечали, украинский конфликт ведётся не за землю (в начале октября эту мысль публично озвучил и Владимир Путин); взятие и контроль тех или иных территорий носит инструментальный характер: либо стратегический, как Азовский коридор, либо чисто военный, как Артёмовск, где по сути произошёл размен штурмовых групп ЧВК «Вагнер» на наиболее боеспособные украинские части, которые не поехали потом на юг участвовать в *контрнаступе*. В случае же угрозы армии мы без колебаний отступали там, где могли себе это позволить (Херсон, Харьковская область).

Капитальная цель СВО неизменна: Украина не должна быть направленным на нас тараном Запада. Как видно, Россия последовательно, хоть и медленно, движется к этой цели.

Из рациональных соображений Западу нужно как можно скорее идти на соглашение с Россией, пока Украина ещё представляет значительную военную силу – вероятно, предварительно поменяв Зеленского на кого-нибудь более сговорчивого. Однако слишком категоричные и непримиримые заявления делались в ожидании неминуемых побед, слишком много мостов сожжено, а это значит, что нынешнее поколение западных политиков вряд ли сможет воспользоваться советом Аннелены Бербок «развернуться на 360 градусов»^[1] и поступить рационально.

С другой стороны, не вполне понятны пределы, до которых готова пойти Россия, и не вполне очевидны наши будущие военные возможности: всё же любой военный конфликт, даже ограниченный, это тяжёлое бремя для экономики, кроме того – растут потери, накапливается усталость общества. Пока заявления российского руководства сводятся к следующему: мы открыты для переговоров, но никакого перемирия не будет. Похоже, и в Кремле уверены, что время работает на нас.

Таким образом, можно ожидать, что мирные переговоры поначалу будут вестись на фоне боевых действий. Результаты последних и определяют контуры мира. Ну а перспективы взятия новых крепостей будут зависеть не только от наших возможностей, но и от степени упорства противника, пока занимающего абсолютно непримиримую позицию и вынуждающего Россию шаг за шагом ликвидировать угрозу вместе с украинским государством как таковым.

Мечтающим об украинской реконкисте нужно надеяться, чтобы свою непримиримость противник сохранял как можно дольше.

СНОСКИ

[1] «Украина будет в безопасности только в том случае, если президент России сделает разворот на 360 градусов», – заявила глава МИД Германии Аннелена Бербок на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2023 года (цитата по немецкому изданию *Focus*).

О хитром плане

Военный конфликт с Украиной вызвал в нашем обществе, да и во всём мире, редкой силы эмоциональную волну. Лихие кавалерийские наскоки, дарившие той или иной стороне надежду на быструю победу, уступили место вязкому позиционному противостоянию. Душевный подъём у многих сменяется упадком и выгоранием – им кажется, что впереди беспросветный тупик, а СВО потеряла цель и свелась к штурмам никому не нужных украинских деревень и безымянных лесопосадок. Представляется, однако, что это не так.

В предыдущей заметке речь шла о том, почему мы не можем наступать на Украине широким фронтом, занимать Харьков, русский город Одессу и так далее. А вот ещё причина: мы не очень-то хотим. Вернее, не хочет президент Путин.

Пока не хочет.

Если Украина внезапно не посыплется настолько, что её можно будет разгромить наличными силами, нас и в самом деле ожидают месяцы, а то и годы окопной войны – но морока не беспредельна. По замыслу Путина, закончиться она должна либо большой сделкой с Западом, либо большим походом русской армии на подконтрольную Киеву территорию. На этот раз – с самыми решительными целями.

Суверенный оппортунизм

С самого прихода во власть 24 года назад у Путина сложился имидж бескомпромиссного борца с врагом, и его обещание «мочить в сортире» наблюдатели склонны переносить на всё подряд, включая Украину. Однако в отношениях с Западом и в том, что касается Украины, Путин всегда выступал человеком компромисса. Принцип путинской политики на украинском (как, впрочем, и на всём постсоветском) направлении: надавить, чтобы договориться. От газовых войн при Ющенко и до сделки по Черноморскому флоту при Януковиче, от Минских соглашений при Порошенко и до стамбульской эпопеи при Зеленском – никогда Путин не избивал Украину до смерти, но ограничивался затрещинами, надеясь вставить оппоненту на место мозги.

Такой подход часто ругают, но Путин, как и российские элиты в целом, принципиально, органически считал Украину отдельной страной и, в отличие от террористической Ичкерии, всегда признавал её, Украины, право на существование. В этой парадигме Киев сам должен принять предложение, от которого невозможно отказаться, а в качестве страховки Путин раз за разом создавал план «Б»: чтобы не зависеть от Украины в газовых вопросах, строились обходные трубопроводы; параллельно договору по флоту разрабатывалась Крымская операция (осуществлена в марте-апреле 2014 г.), и так далее.

Больной перед смертью потел

Первые годы Путин договаривался с украинскими элитами напрямую, а по мере утраты Киевом самостоятельности – при участии Европы (подписанные со второй попытки в Минске соглашения) и, видимо, негласно – США. Договорённости работали с каждым годом всё хуже, однако при выбранном подходе вряд ли было возможно достичь большего. Более того, сферически в вакууме Минские соглашения являлись своего рода дипломатическим триумфом: в конце концов, будучи утверждённым Советом ООН, Минск-2 стал международно-правовым договором высшей силы, обязательным для исполнения Украиной.

Запасным планом на случай провала Минска была СВО в её первоначальном виде: сначала несколько месяцев военной тревоги, а затем – полицейская операция на максималках с целью принуждения Киева к условиям Москвы. В Стамбуле в марте 2022 г. в качестве высших гарантов предлагалось привлечь США, Великобританию и Китай. Китай вроде был не против, однако Запад наотрез отказался, и Путин стал ждать, пока визави навоюются, удерживая при этом Украину в силовом захвате, то усиливая, то ослабляя хватку.

Нельзя сказать, что это совсем не работает: Запад как мог вооружил ВСУ (причём без фанатизма вроде массовых поставок дальних ракет), однако пока так и не сделал необратимых шагов типа принятия Украины в НАТО, а строгость антироссийских санкций компенсируется необязательностью их исполнения. По тайному согласию или сам собой, но за два года сложился очередной баланс: Запад не даёт Украине рухнуть, но и не провоцирует эскалацию, а Россия прижала Украину коленом, но не добивает.

Специальная военная прокрастинация

Мы не раз отмечали, что Россия готовится к большой военной эскалации. Раскручивается ВПК, увеличивается армия, проводится глубокая мобилизационная реформа. Однако пока ни словом, ни делом Путин не демонстрирует желания на эту эскалацию идти. Наоборот, посылаются сигналы о готовности к переговорам, на фронте идёт игра от обороны, интенсивность дальних бомбардировок даже снижается.

На Украине всё происходит по обозначенному нами в конце августа сценарию: Запад действует по инерции и даёт Украине ровно столько, чтобы не сдохнуть, одновременно накаляя зраду насчёт провалов ВСУ и посылая собственные осторожные сигналы о готовности к переговорам, и всё это на фоне относительно вялых боевых действий.

Впрочем, позиции сторон пока страшно далеки друг от друга. России по-прежнему нужно, чтобы Украина перестала выступать в роли направленного против нас военного и идеологического тарана (именно это скрывается под терминами демилитаризация и денацификация), Запад же предлагает простую заморозку без обязательств, не желая обсуждать проблему по существу.

План «А», план «Б»

Сценарий Кремля на ближайший год может быть таким: сохраняя нынешнюю интенсивность боев, медленно продвигаясь в Донбассе и истощая Украину, демонстрировать Западу твёрдость российской позиции и тщетность надежд на военную победу. Предложение, от которого Запад не может отказаться, выглядит, по сути, так: либо вы отступаете от Украины, либо мы её громим как государство и ликвидируем угрозу явочным порядком.

Если Украина в ближайшие месяцы не посыплется, нынешнее относительное затишье вполне может продлиться до выборов в США в конце 2024 года. Сделка в таком случае будет предложена новой администрации, какой бы она ни была. Путин так уже поступал: минскую эпопею он дотянул до выборов Зеленского и, только когда убедился в его недоговороспособности, дал ход СВО.

Таким образом, военная эскалация станет очередной страховкой на разные случаи жизни: в отсутствие предметных договорённостей крупная атака с решительными целями начнётся в рамках СВО, а если удастся заключить сделку о демилитаризации ВСУ по стамбульским принципам и о военном нейтралитете Киева, дамоклов меч новой, ничем на этот раз не сдерживаемой российской операции будет висеть над Украиной на случай попыток изменения статус-кво.

Намеки на такой сценарий делал и сам Путин: на памятной встрече с военкорами в начале июня 2023 г. он обмолвился о «втором походе на Киев» и о том, что для него понадобится новая мобилизация. О сроках можем судить по словам министра обороны Сергея Шойгу: к концу 2024 г. должны быть выполнены основные задачи по армейскому строительству и по развитию ВПК; согласно бюджетным планам, на 2024 г. также приходится пик расходов на национальную оборону, и результат нужно будет как-то использовать.

Маркером подготовки к упомянутому «великому походу» станет резкая смена официальной риторики. Дело предстоит большое, общенародное, так что военная пропаганда должна будет выступить по полной.

Впрочем, если наши выводы верны, это – запасной сценарий, и мобилизация – тоже запасной сценарий. Для Путина важнее заключить с Западом большую сделку, а не громить Киев: в конце концов, именно ради такой сделки и ведётся СВО, а физическое уменьшение Украины – побочный эффект. Если получится, Украина имеет шанс превратиться в большое подобие Грузии – и для неё, вероятно, это стало бы наилучшей судьбой.

Здесь и сейчас сделка невозможна, однако после провала *контрнаступа* Запад со скрипом и безо всякой охоты отправляет деньги и оружие на поддержание своего клиента в нынешней, не слишком хорошей форме. Если тенденция не сменится, шансы Украины устоять под российским натиском с каждым месяцем будут таять, а вместе с ними и надежда Запада взять Путина измором.

Автор: Сергей Полетаев – сооснователь проекта «Ватфор»

СЕРГЕЙ ПОЛЕТАЕВ,
Сооснователь и редактор проекта «Ватфор»